

Неизвестно, был ли тому виной тот сон, но, несмотря на то что Юэ Лохэн долго лежала на кровати, уснуть она так и не смогла.

Поэтому, когда на следующее утро она поднялась, то увидела в медном зеркале лицо с заметными темными кругами под глазами.

— Госпожа... — Цзы Юй вздохнула, не зная, что сказать.

Если госпожа сегодня будет выглядеть так, то их планы покинуть «Цинфэн» станут несбыточной мечтой.

Однако сама Юэ Лохэн не видела в своем виде ничего предосудительного. Она лишь попросила нанести пудры погуще, чтобы никто не заметил ее недуга.

Вспомнив о пересудах в «Цинфэне», Юэ Лохэн невольно нахмурилась.

Как новая главная красавица столицы, она имела здесь всё, что пожелает, и мало кто осмеливался смотреть на нее косо. В конце концов, если бы не она, блеснувшая на конкурсе красавиц, неизвестно, сколько раз это заведение уже пошло бы ко дну.

Но стоило ей попытаться вспомнить, кто именно продал ее сюда, как голова начинала болеть до обморока. Она не помнила, как оказалась в «Цинфэне» — лишь то, что однажды проснулась здесь.

Это госпожа Цин Жун лично объявила ей, что она стала первой красавицей заведения.

Именно Цин Жун сказала ей, что принимать клиентов не нужно — достаточно лишь всеми силами бороться за титул главной красавицы.

Сейчас Юэ Лохэн даже не понимала, стоит ли ей радоваться, что в «Цинфэне» она обеспечена едой, или скорбеть о том, что ее жизнь сводится лишь к продаже собственной красоты.

Пока она пребывала в задумчивости, дверь распахнулась, и следом раздался голос, который она меньше всего хотела слышать:

— Ой, интересно, почему же сестрица Лохэн до сих пор не вышла? Судя по лицу, прошлой ночью ты толком не спала, право, заставляешь волноваться.

Та подошла ближе и, понизив голос так, чтобы слышали только они, добавила:

— С таким видом, сестрица, не тайком ли ты принимала у себя мужчину?

Перед лицом насмешки Юэ Лохэн осталась невозмутимой, на ее губах играла легкая улыбка.

— Сестрице стоит спросить у госпожи Цин Жун, кто заходил в «Цинфэн» и в чью комнату наведывался — она знает об этом лучше всех.

Ее голос звучал мягко, без тени раздражения. И это была правда: она не считала нужным спорить с Цин Юй.

Не говоря уже о том, что Цин Юй — единственная дочь госпожи Цин Жун, Юэ Лохэн давно переросла тот возраст, когда стоило вступать в перепалки из-за мелких провокаций.

Более того, она знала: если бы не ее появление, славу «Цинфэну» принесла бы именно Цин Юй. Иными словами, своим появлением она отняла у той то, что могло бы принадлежать ей.

Сначала она думала, что Цин Юй просто не хватило способностей удержать успех, но позже перестала так рассуждать.

То, что она, будучи в таком месте, сохранила свою невинность — во многом заслуга госпожи Цин Жун. Понимая это, она считала, что должна быть снисходительнее к Цин Юй.

Однако Цин Юй всегда считала, что Юэ Лохэн просто боится ее, поэтому и позволяла себе вести себя так высокомерно.

— На твоём месте, сестрица, я бы уже начала принимать клиентов, — Цин Юй хитро прищурилась, улыбаясь. — Говорят, первая ночь главной красавицы стоит целое состояние. Может, принесешь себя в жертву ради блага нашего «Цинфэна»?

Юэ Лохэн впервые изменилась в лице, брови ее сошлись к переносице:

— Цин Юй, следи за тем, что говоришь.

— Сестрица Лохэн, что же я такого сказала? Каждое мое слово — ради твоего же блага и ради процветания нашего заведения.

— А по-моему, это лишь твои домыслы, — Юэ Лохэн посмотрела на нее холодным, отстраненным взглядом. — Что мне делать, а что нет — лучше спросить у госпожи Цин Жун. Это она установила правило, что я не принимаю клиентов. Или ты хочешь, чтобы я пошла против ее воли?

Услышав имя госпожи Цин Жун, Цин Юй тут же умолкла.

Все эти годы мать учила ее осторожности в словах и поступках, особенно после появления Лохэн, настаивая, чтобы та ни в коем случае ее не оскорбляла. Но Цин Юй снесла зависть. Она была уверена, что именно она должна была стать всеобщей любимицей столицы. Почему же этот титул достался Лохэн?

— Это я недоглядела, прошу сестрицу не сердиться, — процедила сквозь зубы Цин Юй. — Надеюсь на твое великодушие, не держи на меня зла.

— Мы обе из «Цинфэна», как я могу на тебя обижаться?

Обе вновь надели маски дружелюбия, хотя каждая понимала, что мирное сосуществование между ними невозможно.

Служанка за дверью напомнила, что господин Вэнь и другие гости уже прибыли, и госпожа Цин Жун просила их поторопиться. Цин Юй тихо выругалась и поспешила переодеться в танцевальный костюм для исполнения Танца чистого ветра.

Мать говорила ей, что именно этот танец привлеч внимание господина Вэня к Лохэн. Считая себя куда талантливее соперницы, Цин Юй собиралась воспользоваться случаем, чтобы блистать и переманить внимание господина Вэня на себя.

Проводив Цин Юй взглядом, Юэ Лохэн наконец разжала кулаки, спрятанные в рукавах.

Она могла стерпеть любые слова, но только не насмешки над вопросом о ее невинности. Это было единственное, что отделяло ее от остальных женщин в «Цинфэне». Даже если на словах она признавала себя частью этого места, в душе она отчаянно сопротивлялась участи обычной куртизанки.

— Госпожа, давайте и мы переоденемся, — поторопила ее Цзы Юй. — Я слышала, господин Вэнь уже внизу и ждет, когда вы выйдете танцевать.

Юэ Лохэн коротко ответила согласием, сменила наряд и спустилась вниз.

Увидев того, кто был окружен всеобщим вниманием, она заставила себя улыбнуться и подошла ближе.

— Господин Вэнь, вы сегодня так рано, это стало для нас полной неожиданностью, — проговорила она с улыбкой, в которой никто не смог бы распознать скрытый гнев.

— Госпожа Лохэн, вы не выпались?

В словах Вэнь Син слышалась искренняя забота. Юэ Лохэн, не привыкшая к такому вниманию,

на мгновение дрогнула. Но это чувство тут же угасло: она давно научилась скрывать свои эмоции, и пара добрых слов не могла вывести ее из равновесия.

— Ваша забота, господин Вэнь, заставляет меня краснеть.

Она улыбалась, не выказывая ни капли волнения. Но чем спокойнее она выглядела, тем сильнее сжималось сердце Вэнь Син.

Она вдруг усомнилась, стоит ли ее план того, как с ней когда-то обращались, но, вспомнив, что пришлось пережить семье Вэнь, она отбросила сомнения. И всё же, глядя на ту, кто когда-то был для нее единственным лучом света, а теперь вынужден торговать улыбками в этом притоне, она чувствовала лишь боль.

— Такая красавица, как вы, госпожа Лохэн, не может не вызывать сочувствия.

Вэнь Син знала лучше всех, что эта новая главная красавица — не кто иная, как старшая дочь семьи Юэ, Юэ Лохэн.

Но она не могла этого сказать. Она не могла признаться, что знает ее.

Вэнь Син должна была ненавидеть всех, кто носил фамилию Юэ.

<http://bllate.org/book/21729/2245589>